

Во второй день Нового года у Хуа Жуна появились неотложные дела, и он уехал. Оставшись в одиночестве, Чу Вэй прилежно решал тесты, упражнялся с мечом и исписал целую гору талисманов. Наконец, пока еще не стемнело, он тайком выскользнул из дома.

Ему очень хотелось сделать Хуа Жуну новогодний подарок.

Чу Вэй совсем не знал Столицы. Единственным местом, которое он хоть как-то запомнил, был тот самый торговый центр, куда его однажды привозил Хуа Жун.

Спустившись к подножию горы, юноша поймал такси и покатил напрямик туда.

Во второй день праздников в торговом центре было непривычно тихо. Суматоха последних дней улеглась, покупателей почти не осталось, и вокруг царила приятная, умиротворяющая прохлада.

Чу Вэй бесцельно бродил по этажам, то и дело погружаясь в раздумья. Он никак не мог решить, что же преподнести в подарок.

Выглядел он безупречно. Хуа Жун полностью обновил его гардероб, выбрав дорогие, качественные вещи известных брендов, которые сидели на юноше как влитые. В глазах окружающих он казался утонченным молодым господином из богатой семьи, решившим побаловать себя покупками. Стоило ему приблизиться к витринам, как услужливые продавцы тут же бросались навстречу, наперебой предлагая новинки. Такое навязчивое внимание сбивало Чу Вэя с толку.

Впрочем, на людях он всегда сохранял невозмутимость. Его лицо не выражало никаких эмоций, а весь его облик дышал едва уловимой, почти неземной отстраненностью. Из-за этой холодной, неприступной маски никто не мог заметить, как сильно он нервничал на самом деле. Обычно консультанты, не дождавшись ответа на свои приветственные речи, робели и не решались навязываться дальше.

Обойдя добрую половину бутиков и так ничего и не присмотрев, Чу Вэй вдруг услышал, как кто-то окликнул его по имени:

— Чу Вэй? Глазам не верю! Ты как тут оказался?

Чу Вэй замер и обернулся. Перед ним стоял Хуа Хайцзюнь.

Тот шел в компании приятелей. Подростки шумно смеялись и о чем-то спорили. Когда они подошли ближе, Чу Вэй отчетливо уловил резкий запах алкоголя — судя по всему, веселились они уже давно.

Чу Вэй нахмурился и с явным неодобрением спросил:

— Ты что, пил?

«Несовершеннолетний, а туда же — за бутылку хвататься».

За прошедший семестр Хуа Хайцзюнь столько раз выслушивал нотации от Чу Вэя, что этот строгий тон заставил его рефлекторно вытянуться в струнку. Он поспешно забормотал:

— Да я ни капли! Это парни пили, а я просто так, за компанию...

Только договорив, молодой наследник клана Хуа сообразил, как глупо выглядит со стороны. Вокруг стояли его старые приятели, перед которыми он всегда любил порисоваться. Теперь они точно поднимут его на смех.

Его опасения подтвердились мгновенно. Толпа за спиной Хайцзюня тут же оживилась, посыпались ехидные смешки:

— Ого, Хайцзюнь, это еще кто? Нас познакомить не хочешь?

— Слышь, бро, а че ты перед ним так оправдываешься? У вас тут шуры-муры, что ли? Ха-ха-ха!

— Да ладно тебе, мы все понимаем. Никто тебя осуждать не станет!

У Хайцзюня внутри все похолодело. Какие, к черту, шуры-муры?! Перед ними стоял его будущий... дядя? Нет, тётушка! Тётушка!!!! Ну или как там правильно называть парня своего всемогущего дяди?! Короче говоря, абсолютно неприкасаемый человек!

Если бы дядя Хуа Жун услышал этот бред, от Хайцзюня и мокрого места не осталось бы.

Он мгновенно помрачнел и рявкнул:

— Заткнитесь! Это мой одноклассник. Следите за языком!

Однако алкоголь уже ударил парням в голову, лишив их остатков такта. Видя, как отчаянно Хайцзюнь пытается оправдаться, они лишь укрепились в своих подозрениях. Переглядываясь, они ухмылялись с самым понимающим видом.

— Ладно-ладно, Хайцзюнь, мы все поняли. Можешь не распинаться.

— Одноклассник — это же отлично! Все мы когда-то с этого начинали.

— Да чего тут болтать-то? Слушай, пускай твой друг идет с нами в караоке. Чего ему тут одному тереться? Потусим вместе, все свои!

Чу Вэй был невероятно хорош собой, а дорогая одежда только подчеркивала его природное благородство. Парни вовсю гадали, из какой он столичной семьи и почему они ни разу не встречали его на закрытых вечеринках. Однако, перебрав в уме всех знакомых мажоров, они так и не смогли сопоставить его лицо ни с одной известной фамилией.

Вообще-то Хайцзюнь обещал, что как только они приедут в Столицу, он лично устроит для Чу Вэя экскурсию. Но после целого семестра строгой учебы под домашним арестом парень чувствовал себя вырвавшейся на волю птицей. Он гулял напропалую, изо дня в день откладывая звонок другу на потом. Когда же он наконец созвонился с Чу Вэем перед самым праздником, тот вежливо отказался от встречи.

Даже со своей заурядной сообразительностью Хайцзюнь догадался, у кого именно гостит его одноклассник. Раз уж за безопасность Чу Вэя отвечал сам великий дядя Жун, племянник со спокойной душой ушел в отрыв.

Кто же знал, что они столкнутся нос к носу посреди торгового центра?

Что ж, раз так вышло, почему бы действительно не развлечься вместе?

Хайцзюнь зыркнул на притихших приятелей и повернулся к Чу Вэю:

— Погнали с нами в караоке? В учебе ты меня, конечно, обставляешь, но вот петь я умею круче всех. Тут тебе со мной не тягаться!

При этих словах он так горделиво задрал нос, что если бы у него был хвост, он наверняка победно задрался бы к самому потолку.

Чу Вэй скользнул равнодушным взглядом по развязной компании, остановился на Хайцзюне и сухо произнес:

— Нет. Развлекайтесь сами, у меня дела. И больше не пей.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и зашагал прочь, даже не думая задерживаться.

Сумерки стремительно сгущались. Ему нужно было как можно скорее выбрать подарок и вернуться домой, чтобы успеть порадовать Хуа Жуна.

Хайцзюнь так и остался стоять с открытым ртом, чувствуя себя полным дураком.

Для этой столичной золотой молодежи Хайцзюнь был непререкаемым авторитетом, лидером, перед которым все заискивали. Чтобы кто-то вот так, небрежно и высокомерно, отмахнулся от предложения их негласного покровителя? Немыслимая дерзость!

Один из приятелей, решив выслужиться, не стал дожидаться реакции Хайцзюня. Он обогнул толпу, в пару шагов нагнал уходящего юношу и преградил ему дорогу.

— Слышь, парень, тебе сам Хайцзюнь предлагает! Чего ломаешься? Пошли споем, делов-то.

Чу Вэй даже взгляда на него не поднял. С ледяным спокойствием он обронил:

— Дай пройти.

В его тоне сквозило такое абсолютное, граничащее с презрением равнодушие, что заблокировавший дорогу парень так и застыл.

— Ха-ха-ха! Лао Ху, ну ты и лох! Тебя только что опустили ниже плинтуса!

— Давай обратно, не позорься! Хайцзюнь еще рта не раскрыл, а ты уже полез вперед батьки в пекло!

Толпа взорвалась обидным гоготом. Впрочем, никто из них и не думал разнимать парней — все жаждали зрелищ.

Тот, кого называли Лао Ху, мгновенно залился краской от стыда и злости.

Пусть его семья Ху и не могла тягаться по влиятельности с могущественным кланом Хуа, в Столице они все же были далеко не последними людьми. А этот безродный щегол, который держался на плаву только за счет дружбы с Хайцзюнем, смел смотреть на него как на пустое место!

Обида и уязвленное самолюбие вскипели в груди Лао Ху, а выпитое спиртное добавило безрассудной храбрости.

Скривив лицо в злобной гримасе, он процедил:

— Слышь, ты, шкет. Тебя по-человечески зовут, так что не нарывайся. Живо пошел с нами, пока я добрый!

С этими словами он бесцеремонно протянул руку, намереваясь схватить Чу Вэя за плечо.

Чу Вэй из суеверного страха ожидал от Столицы многого, но до сих пор ему встречались исключительно вежливые и доброжелательные люди. Ну, или как минимум психически здоровые.

Столкнувшись с подобным неадекватным поведением впервые, он на мгновение даже растерялся.

«Этот идиот с утра таблетки забыл принять?»

Хайцзюнь от такой наглости Лао Ху едва не лишился дара речи. Он рванулся вперед, чтобы прекратить это безобразие, но стоявшие рядом приятели крепко схватили его за локти:

— Да ладно тебе, Хайцзюнь, Лао Ху просто шутит! Не тронет он твоего одноклассника.

— Не парься, бро, никто драку устраивать не собирается.

Лицо Хайцзюня исказила странная, сочувственно-мученическая гримаса. Он обреченно вздохнул и проработал сквозь зубы:

— Да я не за одноклассника переживаю. Я за Лао Ху боюсь... Сейчас его калечить будут.

Компания недоуменно переглянулась. Лао Ху — крепкий, широкоплечий парень, который к тому же несколько лет занимался тхэквондо. С какой стати его должен поколотить этот хрупкий на вид юноша?

Однако не успели они осмыслить слова Хайцзюня, как развернувшееся перед ними зрелище заставило их мозги буквально расплавиться.

Чу Вэй неуловимым, плавным движением сместился в сторону, уворачиваясь от занесенной руки. В следующее мгновение он железной хваткой перехватил запястье Лао Ху, а второй рукой небрежно ухватил его за ворот куртки.

Прежде чем кто-то успел моргнуть, этот тонкий, изящный юноша выполнил безупречный бросок через бедро. Туша Лао Ху взмыла в воздух и с глухим, сочным стуком впечаталась в начищенный до блеска пол торгового центра.

Хайцзюнь зажмурился и малодушно прикрыл лицо ладонью.

В галерее повисла мертвая тишина, нарушаемая лишь натужным, болезненным кряхтением поверженного Лао Ху.

— О... охренеть... Мне же это ведь не почудилось, а?

— Если тебе почудилось, то у нас групповые галлюцинации.

Хайцзюнь убрал руку от лица и со вздохом покачал головой:

— Я же предупреждал: не лезьте к нему.

«Этот парень — сущий монстр, куда вам, простым смертным, с ним тягаться».

Он мысленно прочитал краткую заупокойную молитву по уязвленной гордости своего приятеля, хотя, справедливости ради, винить тут было некого. Лао Ху сам напросился на неприятности.

Спеси у золотой молодежи поубавилось. Теперь они смотрели на Чу Вэя с опасливым почтением.

Тот слегка склонил голову набок, посмотрел на Хайцзюня и ровным голосом произнес:

— Твоему другу не мешало бы показаться врачу. С головой у него явно не все в порядке.

Спрятав руки в карманы пуховика, он развернулся и легкой, небрежной походкой скрылся за поворотом.

Лао Ху кое-как поднялся на ноги, держась за ушибленную поясницу. Лицо его потемнело от злости и унижения.

Хайцзюнь тоже был вне себя. Чу Вэй — его друг и одноклассник, и такое бесцеремонное поведение Лао Ху оскорбляло их обоих.

Смерив пострадавшего холодным взглядом, Хайцзюнь жестко спросил:

— Тебе же русским языком сказали «нет». Какого хрена ты к нему полез распускать руки?

Упреки приятеля только подлили масла в огонь. Лао Ху взорвался:

— Да я ради тебя старался! Чего ты на меня всех собак вешаешь?! Мы с тобой сто лет знакомы, а ты впрягаешься за какого-то левого пацана!

— Я тебя просил распускать руки? — отрезал Хайцзюнь.

— Меня швырнули на пол, у меня все ребра ноют! Имей совесть, будь человеком!

— Сам виноват. Получил по заслугам.

— «По заслугам»?! И это мне говорит лучший друг?!

Обстановка накалилась до предела. Парни переругивались, готовые вот-вот вцепиться друг другу в глотки.

Остальные бросились их разнимать. Кто-то зажал Лао Ху рот ладонью, пытаясь утащить его назад:

— Да завали ты уже! Хватит орать!

«Совсем берега попутал по пьяни».

Хайцзюня тоже настойчиво тянули в сторону:

— Хайцзюнь, забей на него. Ты же знаешь Лао Ху, он сначала делает, потом думает. Погнали лучше в караоке, зальем это дело.

Хайцзюнь раздраженно стряхнул чужие руки:

— Никуда я не поеду. Настроение испорчено. Я домой.

Он резко развернулся и зашагал к выходу.

Прятели растерянно переглядывались. Праздничная встреча, которая должна была стать веселой вечеринкой, развалилась на глазах из-за какого-то пустяка. И теперь им еще сильнее хотелось узнать, кем же был тот таинственный юноша, из-за которого разругались их лидеры.

Чу Вэй, разумеется, понятия не имел о разразившемся скандале. Все его мысли занимала находка: на рекламном плакате красовались роскошные часы, которые мгновенно приковали его взгляд.

Их циферблат мягко переливался под лучами ламп, а корпус, украшенный россыпью тончайших бриллиантов, сочетал в себе лаконичность и истинное благородство. Смотрелись они невероятно изящно.

Чу Вэй решительно переступил порог ювелирного салона.

Когда он вышел обратно на залитую огнями улицу, на его лице блуждала легкая, довольная улыбка. Юноша достал телефон и со вздохом посмотрел на состояние своего счета.

[Баланс: 128 юаней 35 фэней]

Все деньги, что он заработал на прошлых заказах, включая щедрое вознаграждение от Сян Цин, без остатка ушли на покупку часов. В своей жизни он еще ни разу не тратил столь баснословные суммы на безделушки.

Оставалось лишь радоваться, что сбережений хватило тютельница в тютельница.

Конечно, глубоко в душе Чу Вэй ощущал легкий укол сожаления — в родной деревне на эти деньги можно было бы безбедно жить до конца дней. Но стоило ему представить, как эти часы будут смотреться на запястье Хуа Жуна, как все сомнения улетучивались.

Средства — дело наживное, их всегда можно заработать снова, а вот искренность и теплоту момента ни за какие сокровища не купишь. Ему просто безумно хотелось увидеть радость на лице Жуна.

Бережно прижимая к себе пакет с заветной коробочкой, Чу Вэй сел в такси. На полпути у него зазвонил телефон — на экране высветилось имя Хуа Жуна.

Тот уже вернулся из поездки и, не застав юношу дома, забил тревогу. Расспросы дворецкого ничего не дали: Чу Вэй ушел бесшумно, и заметить его исчезновение обычные люди просто не могли.

Разволновавшись, Хуа Жун тут же набрал его номер.

Чу Вэй поспешил успокоить его:

— Да я просто решил немного прогуляться, дома скучно стало. Уже еду обратно, скоро буду.

— Нет, не нужно за мной приезжать, я сам прекрасно доберусь.

— Скоро увидимся.

Однако стоило машине затормозить у подножия холма, как Чу Вэй увидел знакомую фигуру. Хуа Жун стоял в придорожной беседке, терпеливо ожидая его возвращения.

Он быстро спустился по ступеням навстречу юноше и негромко произнес:

— На улице уже совсем темно, мало ли что. Ты не проголодался? Пойдем скорее в дом, ужин готов.

Чу Вэй ощутил легкое замешательство. Жун упрямо продолжал нянчиться с ним, словно с несмышленным ребенком, хотя Чу Вэй давно вырос. И эта чрезмерная отеческая гиперопека порой казалась ему излишней.

— Да я просто прошелся по магазинам, — с легкой улыбкой ответил он. — Встреча со мной опасна скорее для тех, кто решит ко мне поприставать, а не для меня самого.

Хуа Жун привычным жестом переплел свои пальцы с его и повел юношу вверх по тропинке, нежно жуя:

— Знаю, знаю, что ты у меня сильный. Но мир устроен иначе. Даже если ты никому не желаешь зла, подлецов вокруг предостаточно. Их коварство не знает границ, и от всего уберечься невозможно. Обещай мне беречь себя. Твоя жизнь — это самое ценное, что у нас есть. Все остальное — пустое.

Чу Вэй чувствовал, сколько искренней тревоги скрывается за этими словами, и послушно кивнул:

— Я все понимаю. Не переживай.

Сумерки окончательно окутали холмы, и вдоль дорожки один за другим вспыхнули фонари, заливая все вокруг мягким янтарным светом.

Левая рука Чу Вэя покоилась в теплой ладони Хуа Жуна, а в правой он сжимал заветный фирменный пакет.

Поколебавшись мгновение, юноша решительно остановился.

Хуа Жун вопросительно посмотрел на него.

Чу Вэй глубоко вдохнул и протянул ему подарок.

— Я так часто обременяю тебя... Мой учитель всегда говорил, что добрые дела нельзя забывать и нужно уметь благодарить. Я не знал, что тебе по душе, но сегодня в торговом центре случайно увидел вещь, которая, как мне показалось, создана специально для тебя.

Хуа Жун молчал. Его взгляд замер на изящной ленте, которой была перевязана коробка.

Он прекрасно знал этот бренд. Пусть это была не самая элитарная марка в мире, для Чу Вэя подобное приобретение наверняка означало расставание со всеми его скромными сбережениями.

Хуа Жун до мельчайших подробностей знал, в какой нужде рос юноша, насколько бережлив он был и как трудно ему доставался каждый юань. Чу Вэй никогда в жизни не позволял себе тратить деньги на роскошь.

И теперь...

Черты лица Хуа Жуна исказились от нахлынувших чувств. В полумраке, за пределами досягаемости тусклых фонарей, его взгляд сделался глубоким и темным, словно он отчаянно пытался сдержать рвущиеся наружу эмоции.

Заметив его замешательство, Чу Вэй встревожился и тихо спросил:

— Тебе... не нравится?

Хуа Жун медленно перевел взгляд на лицо юноши, осторожно принял из его рук пакет и тепло произнес:

— Очень нравится. Все, что ты даришь, для меня бесценно.

Глаза Чу Вэя радостно засияли, и он нетерпеливо затеребил его за рукав:

— Открой скорее! Как только я увидел эти часы, сразу понял: они твои. Тебе обязательно пойдет!

Хуа Жун неторопливо потянул за шелковую ленточку. Каждое его движение было преисполнено такой нежной осторожностью, словно в его руках находилась хрупкая драгоценность.

Внутри пакета скрывался обтянутый бархатом футляр. Стоило откинуть крышку, как в теплом свете уличных фонарей сверкнул стальной корпус часов.

Они действительно были великолепны.

Чу Вэй бережно вынул часы из бархатного ложа:

— Давай я помогу примерить. Только чур не смеяться! Я в таких штуках совсем не разбираюсь, меня консультант в магазине еле научила с застежкой управляться.

Он сосредоточенно приподнял металлическую планку замка, аккуратно надел браслет на запястье мужчины и, мягко повернув его ладонь кверху, защелкнул замок до негромкого клика.

Размер подошел идеально.

Часы сидели безупречно, словно мастер создавал их по индивидуальной мерке специально для Хуа Жуна.

Чу Вэй счастливо сощурился и тихо рассмеялся:

— Я так и знал! Тебе потрясающе идет. С Новым годом, Жун.

У Хуа Жуна перехватило дыхание, горло сжало спазмом. Он заворуженно смотрел на стоявшего перед ним юношу.

А тот поднял на него сияющий взгляд, в глубине которого, подобно мириадам далеких звезд, отражался весь мир. И в этом бескрайнем сиянии был лишь один-единственный силуэт — его собственный.

<http://bllate.org/book/19040/1960175>